

The image is a comic book cover for 'Spider-Man: Silk'. It features the character Silk, a woman with long, flowing black hair and glowing green eyes. She is wearing a black tactical suit with a utility belt and is shown in a dynamic, crouching pose. The background is a stylized, neon-lit cityscape at night, with a prominent 'HOTEL' sign. The overall aesthetic is dark and futuristic.

Наследница паутины
Жанна Майорова

18+

Жанна Майорова

Наследница паутины

<https://litres.ru/73177343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арина — студентка-биохимик и Чёрная Вдова, младшая в Роду Паутины, где женщины рождаются лишь для двух вещей: охоты и продолжения крови.

Её мир — прокуренные подъезды, тишина засады и железные законы семьи, не оставляющие места для простой жизни. Младшая из паучих разрывается между лекциями по биохимии, ночными вылазками, давлением бабушки, подбирающей ей идеального жениха-осеменителя, и холодным интересом главы теневого городского правительства – Совета магов, желающего заполучить её в жены.

Но когда в городе появляется изощрённое зло, высасывающее души, под удар попадают те, кого Арина любит по-человечески. Расследование ведёт к страшной семейной тайне и в кабинеты Совета, члены которого видят в паучихах опасное оружие, подлежащее контролю.

Чтобы спасти дорогих людей, ей придётся выйти против всех: древнего хищника, связанного с её кровью, системы, жаждущей её поработить, и законов собственного рода.

Война за город, за семью, за право быть не просто орудием, а женщиной — начинается.

Содержание

Глава 1. Петрович и однопроцентный кефир	5
Глава 2. Тень у водопада	21
Глава 3. Карта своих улиц и хроники крыш	33
Глава 4. Нить сомнения и запах книг	48
Глава 5. Клеймо на льду	55
Глава 6. Первая встреча	66
Глава 7. Убежище	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Жанна Майорова

Наследница паутины

Глава 1. Петрович и однопроцентный кефир

Настоящий охотник знает – тишина бывает разной. Та, что царила сейчас в прокуренном подъезде девятиэтажки, где тусклая лампочка мигала с раздражающей непредсказуемостью, была тягучей и липкой, как подпортившийся мёд. Она впитывала в себя звук собственных шагов Арины, приглушала отдалённый гул города за стенами и звон в ушах. Это было беззвучие засады. Тишина паука, затаившегося в шёлковой воронке.

Арина стояла под дверью квартиры № 47, прислонившись лбом к прохладной, облупленной краске дверного косяка, прислушиваясь не ушами, а всем существом. Из-за створки доносились приглушённые звуки телевизора (какой-то старый боевик с характерными взрывами) и пьяные всхлипы.

«Плачет. Снова. А через полчаса он начнёт извиняться, а она – прощать. Цикл. Уже вызов ментов система пропускает. Знает, что бессмысленно. Или сил на это нет».

В животе у неё холодной тяжестью лежал комок ненави-

сти, знакомый до тошноты.

Не к нему, нет. К системе.

К этому бесконечному конвейеру боли, где она была лишь функцией, грозным, но безличным механизмом сброса.

Пальцы в тонких кожаных перчатках сжали в кармане куртки ключи.

Люди – не ее добыча. Иногда она сожалела, что ее полномочия распространяются лишь на демонов. Демонов она чувала за версту, их присутствие обжигало сознание, как удар током.

Этот мужчина, Сергей, был просто мразью. Обыкновенным человеческим отбросом, который самоутверждался, ломая жизнь женщины рядом.

«Как иногда хочется причинить зло во имя добра», – ехидно прошипел в голове внутренний голос, голос Арахны.

Он всегда звучал громче именно здесь, на пороге чужой боли.

Резко развернувшись, подошва ботинок бесшумно скользнула по полу, Арина бросила клочок прозрачной паутины на коврик перед дверью в квартиру № 47. Адресный сюрприз. Возможно, если он упадет и сломает обе ноги, став на время беспомощным, не сможет мутузить жену. И у той будет время подумать... сравнить битую себя с небитой. Но процент того, что что-то поменяется, невелик.

Девушка вздохнула и пошла прочь.

Её собственная человеческая, слабая часть бунтовала.

Пусть этот «демон» – его собственный характер – живёт в нём и дальше. У тебя своя работа.

Но и у неё был предел, и сегодня она его достигла.

...

– Идеальный кандидат, я тебе говорю! – голос бабушки Виктории Петровны звенел, как натянутая струна, разрезая уютную тишину их кухни. – Образцовый феминист! Просвещённый! Книги умные читает!

Воздух в квартире был густым и насыщенным, как заваренный травами эликсир. Пахло воском от старинного комода, сушёным дымком полыни, развешанной пучками над дверью для очистки энергии, и сладковатым ароматом варенья из бузины – бабушкиного фирменного лакомства и антидота от мелких проклятий. Тикали старые настенные часы с маятником, отмеряя неторопливое течение времени в этом убежище.

На полках, теснясь между книгами по демонологии и феминистской прозой XX века, стояли засушенные в гербарии ядовитые растения и фотографии в рамочках – снимки строгих женщин с пронзительными глазами, уходящие вглубь десятилетий.

Ни намёка на мужское присутствие. Только женщины. Бабушка, мать, дочь. Три поколения паучих, сплетённые одной невидимой, прочной нитью.

Арина смотрела в окно, где на стекле застыла одинокая снежинка, цепляясь за старую, слегка облупившуюся краску

на раме.

Рядом с бабушкой, на стуле с вытертой гобеленовой обивкой, восседала мать, Алёна, её стройная фигура была облачена в простой тёмный халат, а непослушные пряди каштановых волос выбивались из строгого пучка, её молчание было красноречивее любых слов. Они обе смотрели на неё, как на стратегически важный актив, который пора выводить на новый уровень.

– Бабуль, – Арина медленно повернулась к ним, – может, тогда сама с ним и замутишь? У тебя ещё энергия кипит. А мне он, прости, как однопроцентный кефир – вроде полезно, но безвкусно до слёз.

Бабушка аж подпрыгнула на месте, звеня многочисленными серебряными браслетами на исхудавших запястьях, а мать испустила шумный и красноречивый разочарованный вздох, от которого задрожали лепестки засушенной белены в хрустальной вазочке на столе.

Елена Степановна, пушистый тарантул размером с ладонь, лениво пошевелила лапками в своём террариуме, будто одобряла шутку.

– Ариша, не ёрничай! – строго сказала Алёна. – Ты не вечна. Как и мы. Сила требует наследника. Наш род должен продолжаться.

«Наш род. Наша паутина. Наша ловушка», – мысленно парировала Арина.

– Ладно, ладно, я подумаю, – отмахнулась она, хватая со

стола рюкзак. – У меня пары.

Побег. Ненадолго хотя. От себя разве убежишь?

Свой след, свой запах, свою неизбежную судьбу она уносила с собой, как узор из паутины на подошве ботинка.

...

У Лены в мастерской пахло краской, кофе и уайт-спиритом. Свет от мощной лампы падал на десятки холстов, прислонённых к стенам, создавая причудливую игру теней. Парадоксально – но здесь, окутанная бензиновыми парами, Арина могла дышать.

– Ну и рожа у него! – фельдшер Марк, прислонившись к подоконнику, затягивался сигаретой, выпуская дым в приоткрытую форточку. Его скулы были украшены свежим синяком, а глаза горели усталым огнём. – Вчера этого «образцового феминиста» видел. На лекции по социальной антропологии. Он там про «токсичную маскулинность» полчаса говорил с таким самодовольным видом, будто открыл Америку.

– Не то слово, – Арина с наслаждением отпила из кружки горький кофе. – Бабка уверена, что он – генетический шедевр для моего будущего потомства.

– Фу, – Лена, вся перемазанная в синей и охристой краске, в растянутом свитере с осыпавшимися пайетками, не отрываясь от холста, бросила в неё тряпкой. – У меня традиции твоей семьи в печёнках уже! Какой век сейчас? Хотя бы на часы смотрели иногда. Готический роман какой-то. Иди

лучше ко мне, я тебе портрет напишу. «Девушка с тарантулом».

– У тебя и так половина картин – это я с тарантулом, – фыркнула Арина.

Она смотрела на Марка – сильного, доброго парня, разрывающегося между спасением жизней и саморазрушением на ринге. На Лену – язвительную и верную. Они были её якорем в человеческом мире. И не знали, что их лучшая подруга по ночам творит правосудие в облике монстра.

А ещё мысль о «том парне» не выходила из головы.

Руслан.

Он был странным. Спокойным.

Их встреча две недели назад в университетской библиотеке была далека от идиллии. Арина, измотанная ночной охотой, провалила внезапную контрольную по материаловедению.

Преподаватель, сухарь и педант, по фамилии Гордеев, устроил ей настоящий разнос прямо у стеллажей с научной литературой.

– Вы, молодые люди, думаете, что знаете всё! – гремел он, тыча пальцем в её почти чистый бланк. – А основы, а фундаментальные законы – на них вам плевать! Вы – позор факультета!

Арина стояла, сжимая кулаки и чувствуя, как внутри закипает чёрная, ядовитая ярость Арахны. Ей хотелось не зашипеть, а вцепиться когтями в отглаженный заботливой рукой

жены (подумать только, он женат!) этого упыря воротничок и заткнуть преподу рот паутиной. Девушка почувствовала, как по спине побежали мурашки – первый признак неконтролируемого превращения.

И тут из-за соседнего стеллажа появился он. Высокий, неспешный, с невозмутимым лицом. На нём была простая тёмно-зелёная толстовка, волосы цвета спелой пшеницы слегка растрёпаны, будто часто проводил рукой по ним.

– Простите, профессор, – его голос был спокойным, как поверхность глубокого озера. Гладкий и невозмутимый. Пока камень не бросишь, по крайней мере. – Это, кажется, моя вина.

Гордеев замер, раздражённо хмурясь:

– Ваша, Волков? И в чём же?

– Я вчера занимался с Ариной в читальном зале, – Руслан невозмутимо лгал, его взгляд был чистым и открытым. – И я, к сожалению, перепутал конспекты. Дал ей старые записи по другому курсу. Она просто не была готова. Полностью моя ответственность.

Парень протянул профессору аккуратно исписанную тетрадь.

– Вот правильный конспект. И мой вариант выполненной контрольной. Уверен, Арина справилась бы не хуже, имей она верные материалы.

Гордеев, ошарашенный такой наглой ложью и невозмутимостью студента, но не имея возможности его уличить, про-

бормотал что-то невнятное, взял тетрадь и, бросив на Арину последний гневный взгляд, удалился.

Арина стояла, не в силах вымолвить ни слова. Ярость сменилась шоком. Девушка смотрела на Руслана, на этого странного, спокойного парня, который только что подставил себя под удар ради неё. Он не был героем-спасателем. Скорее... тактиком. Холодным и блестящим.

– Зачем? – наконец выдохнула она. – Мстить будет.

Руслан пожал плечами, и в уголках его глаз обозначились лучики морщинок – следы улыбки, которую он не выпустил наружу.

– Гордеев меня и так недолюбливает. А вас, я посчитал, отчитывали несправедливо. К тому же, – он кивнул на её всё ещё сжатые кулаки, – вы выглядели так, будто вот-вот взорвётесь. А в библиотеке лучше сохранять тишину, вы не находите?

Хм. Занятный. Парень был странным не потому, что был чудачком. А потому, что видел слишком много. Смотрел на мир с тихим, изучающим интересом, будто разглядывал под микроскопом редкий вид жука. И её, Арину, он, похоже, рассматривал точно так же. И это было одновременно пугающе и... невероятно притягательно.

Именно это и заставило Арину свернуть с маршрута. Ноги понесли сами, ведомые не памятью, а чутьём – тем самым внутренним компасом, что всегда вёл её к добыче. Только сейчас он вёл её не к жертве, а к... нему. К Руслану.

Девушка шла, почти не глядя на улицы, позволяя тончайшим энергетическим нитям, что тянулись от неё, как паутинки на ветру, вибрировать и наводить её на цель. И нити привели к старому кирпичному дому, пахнущему влажным камнем и прошлым веком, указав квартиру на первом этаже.

Постучала, внезапно осознав всю странность своего визита. Но было поздно.

Дверь открылась, и на пороге возник Руслан. В глазах – ни капли удивления, лишь тёплая, понимающая улыбка, будто ждал её всё это время.

– Следишь за мной? – спросил он, отступая и жестом приглашая её внутрь. – Не скрою, лестно, что у меня появился такой милый сталкер. Или ты составляешь базу наблюдения?

Арина застыла на пороге, поражённая. Он не просто не удивился – как будто знал. Что могла найти его, даже не зная адреса. И этот намёк на «базу наблюдения» был шуткой, но в глазах читалась глубокая серьёзность. Видел что-то? Чувствовал?

И, похоже, принимал это как нечто само собой разумеющееся.

Словно и сам давно понял, что в их странном знакомстве нет места обычным случайностям. Только тихая, необъяснимая неизбежность.

Парень пригласил её войти.

И тут её мир перевернулся.

Воздух в квартире был другим. Не пыльным и затхлым,

а... живым. Пахло старым деревом, чернилами и едва уловимым ароматом ладана. В лучах заходящего солнца, проникавших сквозь гранёные стёкла окна, золотились десятки, сотни паутин. Они висели в углах, между стеллажами с книгами, спускались с карниза изящными ажурными занавесями. Это не было запустением. Сознательный выбор. Экосистема.

– Эммм... тебе норм так? Ты их не гонишь из дома?

– Чего их гнать-то? – спокойно сказал Руслан, заметив её застывший взгляд. – Не мешают. Не дают развестись всякой вредной живности. Вот соседи тараканов развели, а у меня – ни одного. Они сюда даже не заходят.

Парень подошёл к массивной, старой этажерке и указал пальцем на тёмный угол. Там, в центре совершенной кружевной воронки, сидел крупный, мохнатый паук-тенётник.

– Потому что Петрович следит, – с ноткой гордости и лёгкой усмешкой произнёс Руслан.

Арина рассмеялась. Настоящий, лёгкий смех, которого не было давно. Чёртово давление семьи!

– Ты уверен, что он Петрович? Может, Петровна? Ты ему под брюшко не заглядывал?

– У пауков нет членов, если ты об этом, – усмехнулся он в ответ. – У них там какая-то умная полость должна быть.

– Не умничай, ботаник, – подмигнула она.

Но в этот миг что-то щёлкнуло. Щёлкнуло так, как никогда. Этот странный, спокойный парень, в чьём доме царил её

мир – мир тишины, паутины и мудрых, полезных хищников – смотрел на неё не как на странную девчонку, а как на... свою.

Он не боялся пауков. А уважал их.

Арина смотрела на Петровича, на его неподвижную, полную скрытой силы позу, и чувствовала, как внутри всё сжимается. Охранник. Защитник. Санитар. И совершенно не противится своей роли.

«А кто ты?» – спросил её внутренний голос, но на этот раз без ехидства.

Она была Арахной. Чёрной Вдовой.

Её предназначение – не защищать дом, а выжигать зло с корнем. И её следующая охота уже стояла на пороге, дыша в спину ледяным дыханием долга.

А у Чёрной Вдовы, как твердили ей с детства, не может быть своего дома.

Не может быть своего Руслана.

Девушка чувствовала, как крепкие, невидимые нити её судьбы уже тянутся к ней, чтобы сплести новую ловушку. И на этот раз добычей в ней должна была стать она сама.

Воздух в квартире Руслана был тёплым и густым, пахло старой бумагой, землёй и чем-то неуловимо сладким – то ли сушёными травами, то ли самим покоем, что царил в этих стенах.

Арина медленно прошла вдоль стеллажей, забитых книгами по энтомологии, ботанике и странными, мистическими

трактатами.

– Не ожидала, что ты фанат эзотерики, – заметила она, проводя пальцем по корешку «Анатомии нематериального» с подзаголовком «Энергетические поля городской экосистемы».

– Это не эзотерика, – поправил он, ставя на низкий столик две керамические кружки с дымящимся чаем цвета мёда. – Это своеобразная расширенная биология. Всё в этом мире – часть одной большой экосистемы. Даже то, что нельзя пощупать.

Парень сел в глубокое кресло, и его взгляд скользнул по паутине в углу. Арина опустилась на диван напротив, подобрала под себя ноги. Наступило молчание, но не неловкое, а насыщенное – будто они слушали, как их личная тишина взаимодействует с тишиной дома.

– Спасибо, кстати, – наконец сказала она, – за ту историю в библиотеке. Я была... не в себе.

– Это было заметно, – он улыбнулся. – Выглядела так, будто готова была либо провалиться сквозь землю, либо... ну, не будем о грустном. Профессор Гордеев известный зануда. Кому-то нужно было его остановить.

– И ты решил, что это будешь ты? Рисковый.

– Не рисковый, – он отхлебнул чай. – Просто терпеть не могу несправедливость. Даже самую мелкую. Это нарушает баланс.

Девушка смотрела на него и слушала, как он говорил о ба-

лансе, об энергетических полях города и прочей чуши, которая должна бы отпугнуть девчонку при первом знакомстве. Но ей было всё любопытнее.

– А ты не боишься? – спросила прямо, глядя, как играет свет в его глазах. – Что со мной что-то не так? Что я могу найти твой дом, не зная адреса?

Руслан задумался, его взгляд стал отстранённым.

– Знаешь, когда я был маленьким, у нас в саду завёлся паук-крестовик. Мама хотела его прогнать. Я попросил оставить. Каждый день приходил и наблюдал за ним. Как он плетёт сеть. Как чинит её после дождя. Как терпеливо ждёт. Тогда понял, что пауки – не злые. Они – часть порядка. И если такой хищник пришёл в твой дом, и не пытается тебя укусить... может, просто ищет убежища? Или... чувствует, что здесь его примут.

Парень посмотрел на неё, и в этом взгляде не было ни страха, ни подобострастия.

– Так что нет, Арина. Я не боюсь. Мне... интересно.

Они говорили ещё час. О книгах. О его коллекции засушенных насекомых, которую он называл «архивом ушедших жизней». О её учёбе и о том, как она ненавидит биохимию. Смеялись, и её смех, наконец-то, стал настоящим, лёгким, без привычной горькой примеси.

Уходя, Арина на пороге обернулась.

– Ты прав насчёт пауков. Они чувствуют, где их дом.

– Надеюсь, – тихо сказал он, провожая её взглядом.

И она шла по вечерним улицам, чувствуя, как на душе у неё впервые за долгое время стало и тепло, и спокойно. Будто она после долгих скитаний, наконец-то, нашла ту самую, крепкую и незримую нить, за которую можно ухватиться.

Возвращаться домой не хотелось.

После тепла и странного уюта Руслановой «экосистемы» их семейная квартира с террариумом Елены Степановны и тяжёлыми, старинными шкафами казалась склепом. Музеем её обречённости.

Арина шла по ночному городу, кутаясь в куртку. В ушах стоял его голос: «У них там какая-то умная полость должна быть». И её собственная идиотская улыбка в ответ. Провела рукой по холодной стене какого-то здания, представляя, как между пальцами рвётся невидимая нить.

И тут её настигло.

Не звук. Не запах.

Чувство. Знакомое, противное, вязкое.

Словно кто-то провёл гнилой тряпкой по изнанке её сознания. Не тот бытовой смрад злобы, что исходил от Сергея из квартиры №47.

Иное – древнее, острое, инородное. Не принадлежавшее этому миру, но очень вольготно себя в нём чувствовавшее.

Демон.

Близко.

Его присутствие обжигало внутренним холодом, заставляя мурашки побежать по рукам. Арахна внутри тут же на-

сторожилась, поднявшись из глубин с тихим шипящим удовлетворением.

Охота. Настоящая охота. Не на жалкого мужичка-тирана, а на нечто, что не принадлежало этому миру.

Девушка остановилась, закрыла глаза, позволив инстинкту вести себя.

Это был мужчина. Молодой. Шёл не один – с ним была женщина. Его рука лежала у неё на талии, жест казался нежным, но Арина чувствовала исходящую от него чёрную, липкую энергию обладания.

Он вёл её в сторону тёмного, заброшенного сквера. Не для романтики. Для чего-то другого.

В горле у Арины встал ком. Все её бунты, все сомнения, вся усталость мгновенно испарились, сгорели в холодном пламени долга. Она не могла позволить этому случиться. Не смотрела, не думала.

Повернулась и пошла за ними, шаги стали бесшумными, движения – плавными и точными. Улица, всего несколько минут назад бывшая просто набором огней и теней, превратилась в ландшафт для засады. Тёмный проём подворотни, глубокая тень от гаража, высокий забор – всё это становилось частью её орудия.

Она снова была Арахной.

И готова была плести.

Мысль о Руслане и его паутинах, о Петровиче, охраняющем дом от вредной живности, пронеслась в голове послед-

ним отблеском другого мира.

«Вот и я, Петрович, – с горькой иронией подумала она, сливаясь с темнотой. – Только мой дом – весь этот город. А моя вредная живность – похуже тараканов».

И пошла на запах греха.

Глава 2. Тень у водопада

Боль отступала последней. Сначала ушло напряжение в мышцах, потом – холодная ясность охотника, заполнявшая разум во время работы.

Теперь, стоя под ледяным душем в своей ванной, Арина чувствовала только боль. Не физическую – та заживала стремительно. Это была боль воспоминаний.

Смотрела на капли воды, стекающие по керамике, и видела другое – капли росы на паутине, растянутой между ветвей старой сосны где-то в лесу под Петербургом.

Ей было семь. Ночь. Бабушка Виктория Петровна, плотнее кутаясь в тёмный платок, вела её сквозь сырую хвойную мглу.

– Наш род, Ариночка, старше многих королевств, – голос бабушки был низким, как шёпот самого леса. – И корни наши не здесь. Они там, где туман скрывает горы, а водопады поют песни старых духов.

Они вышли на поляну, окутанную серебристой дымкой. Лунный свет выхватывал из тьмы струи маленького водопада, низвергавшегося в чёрный омут.

– У одного такого водопада, в далёкой стране, жила дух. Не просто паук, и не просто женщина. Дзёрогумо. Она была как два берега одной реки – с одной стороны, невыразимой красоты девушка, способная очаровать путника одним

взглядом. С другой – хищница с телом паука, несущая великие страдания.

Арина, маленькая, прижалась к бабушкиной руке.

– Она была злая?

– Она была одинокая, – подумав, ответила бабушка. Женщина, с годами совершенно не растерявшая своей редкой красоты, повернула Арину к себе, и её глаза в лунном свете казались бездонными. – Говорят, однажды лесоруб пришёл к тому водопаду и бросил в воду свой топор. Из воды вышла дева неземной красоты, чтобы вернуть потерю. Он влюбился. И это стала его роковой ошибкой.

– Она его съела? – шёпотом спросила Арина.

– Может быть. А возможно, тот просто исчез в её объятиях, став пленником навеки. Одни говорят, Дзёрогумо – коварная убийца. Другие – что хранительница, спасающая неосторожных от гибели в водовороте. Наша кровь, дитя, несёт в себе её отблеск. Мы – и паучихи, и женщины. Мы – и соблазн, и кара. Наша красота – приманка для тьмы, а наша истинная сущность – её приговор.

Арина запомнила урок.

Они были чем-то или кем-то вроде Дзёрогумо. Соблазнительными и смертоносными. Хранительницами и палачами. Но свою «работу» Арина никогда не романтизировала. Может, опытный бард и собрал бы всю эту грязь в красивую легенду, но у нее самой не получалось...

Скрип двери в ванную вывел девушку из оцепенения. На

пороге стояла Алёна. Взгляд матери, тяжёлый и знающий, скользнул по Арине.

– Как чистка прошла?

– Прошла и прошла, – коротко бросила Арина, вытираясь.
– Демон Одержимости. Вселился в парня из службы доставки. Использовал его, чтобы входить в дома и творить мерзости.

– Сильный?

– Средний. Но... изворотливый.

Она не стала рассказывать, как тот демон, почуяв её силу, отбросил маску безобидного курьера и попытался очаровать её, примерив на себя образ Руслана. Красивая картинка, зовущая в тёмную воду. Как у Дзёрогумо из бабушкиной сказки. Все демоны любят показывать красивые картинки. А люди неизменно на это ведутся.

Девушку потребовалось самообладание, чтобы не дрогнуть и не дать слабинку в самый решающий момент схватки.

Умолчала она и том, что помимо «плановой» чистки ей попался еще один демон. Иначе пришлось бы объяснять свой визит в тот район. Арине не хотелось рассказывать про Руслана.

Он был ее тайной.

Девушка прикрыла глаза, вспоминая.

...

Демон с жертвой свернули в сквер. Фонари здесь не горели, и единственным светом были отблески далёких нео-

новых вывесок баров, окрашивавшие снег в сиреневый и ядовито-зелёный. Демон, вселившийся в молодого человека, остановился в самой глубине, под сенью обледеневших елей. Его спутница, девушка с пустыми от выпивки и доверчивости глазами, тихо смеялась чему-то.

Арина наблюдала из тени, паучья сущность вычисляла слабые места. Демон низшего порядка, Паразит, питающийся чужими эмоциями, скорее всего, страхом или болью. Не силён в прямом бою, но мастерски манипулировал.

– Холодно, – капризно сказала девушка, ёжась.

– Я согрею, – голос «парня» стал сладким и вкрадчивым, но Арина уловила в нём металлический призывок.

Он обнял её, и стальные пальцы впились в плечи с неестественной силой. Девушка вскрикнула от боли и внезапно протрезвела. В её глазах появился первый проблеск страха. Им-то паразит и собирался полакомиться.

Больше Арина не могла ждать. Вышла из темноты бесшумно, как тень. Собственная энергия, тёмная и липкая, сжалась вокруг неё коконом, скрывая от обычного взгляда.

Демон почуял её. Резко отшвырнул от себя девушку, и та с криком ударилась о ствол дерева. Его голова повернулась к Арине на неестественный угол, глаза вспыхнули густым, маслянисто-жёлтым светом.

– А-а-а, – просипел он, и его голос был похож на скрип ржавых петель. – Санитарка приползла... Чистить...

Арина не ответила. Она действовала.

Восемь невидимых, энергетических лап Арахны выбросились вперёд, чтобы опутать. Но демон был готов. Не стал уворачиваться. Вместо этого встретил атаку всплеском чистой, примитивной ненависти.

Это было похоже на удар раскалённым ножом по вискам. Арина отшатнулась, острая, жгучая боль пронзила сознание, заставив на мгновение потерять ориентацию. В глазах отплясывали мушки. Паутина дрогнула, нити потеряли упругость.

– Сла-а-абая, – протянул демон и сделал шаг вперёд. Он был быстрее, чем она предполагала.

Его рука, всё ещё выглядевшая человеческой, впиалась ей в предплечье. Это был не физический захват. Пальцы прошли сквозь кожу и плоть, сжимая саму энергию, текущую по жилам. Боль была огненной, словно в вену впрыснули расплавленный свинец.

Арина вскрикнула, впервые за долгое время от чистой, нефизической агонии. Колени подкосились. Внутри всё горело. Арахна взбунтовалась, зашипела, требуя выпустить, разорвать эту тварь на куски.

Нельзя так с нами!

Но выпустить монстра здесь, на людях? Нет.

Арина впиалась увеличившимися ногтями в ладони, чувствуя, как кровь проступает сквозь тонкую кожу перчаток. Боль заставила сфокусироваться. Увидела страх в глазах девушки, прижавшейся к дереву. Увидела пустую оболочку

парня, чьё тело использовали как инструмент.

«Нет. Я не проиграю такой мелочи».

Собрав волю в пригоршню, представила не сети, а иглы. Тысячи острых, ядовитых шипов, рвущихся изнутри наружу. Энергия, сжатая до предела, выстрелила ледяным градом.

Демон, не ожидавший контратаки, отпрянул. Вопль был полон не только боли, но и изумления. Липкая, чёрная субстанция закапала с его энергетической формы, испаряясь с шипением на морозном воздухе.

Это был её шанс. Истекая энергией из нанесенной тварью раны, дрожащими руками она снова сплела паутину – на этот раз более грубую, прочную, словно стальную проволоку. Опутала им обессилевшего демона.

– Убирайся в ад, – прохрипела девушка, срываясь на шёпот. Сжала тиски. Ещё один приступ тошноты прокатился по ней, когда чужая сущность лопнула внутри её сети с глухим, беззвучным хлопком.

Тишина.

Тело парня безжизненно рухнуло в снег.

Девушка рыдала.

Арина стояла, опираясь о замёрзшее дерево, ощущая, как по руке струится что-то тёплое и липкое – собственная кровь, смешанная с остатками своей и демонической энергии. Боль в предплечье пульсировала огненными волнами.

Она посмотрела на девушку.

– Уходи. Быстро. Такси вызови. И забудь.

Та, не раздумывая, побежала.

Арина осталась одна. С каждой пульсацией раны чувствовала ядовитый холод демона, ввевшийся в плоть. Не смертельная рана, но надолго останется напоминанием.

Охотник тоже может стать добычей.

Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем смогла оттолкнуться от дерева и побрести прочь, хромая и прижимая травмированную руку к груди.

Победа, пахнущая пеплом и болью. Как и все в ее жизни. Какие-то... безрадостные.

И снова – бесконечная ночь. Но теперь, сквозь боль, она с ещё большей жадностью цеплялась за память о тепле и покое в квартире Руслана. Новый источник света.

...

– Бабушка зовёт, – сказала Алёна, не выражая ни одобрения, ни порицания. – Новое дело. И оно... необычное.

В гостиной пахло сушёными травами и старой бумагой. Виктория Петровна разложила на столе несколько распечаток. Фотографии женщин. У всех были пустые, остекленевшие глаза.

– Трое за неделю, – без предисловий начала бабушка. – Найдены в разных частях города. Ни следов насилия, ни токсинов. Просто... угасли. Как будто кто-то высосал из них волю, самую жизненную силу.

Арина нахмурилась.

– Похоже на работу суккуба. Или энергетического вампи-

ра.

– Нет, – покачала головой старуха. – Суккуб оставляет след похоти. Вампир – след страха. Плоть не пострадала, кровь на месте. Ничего нет. Чисто. Как будто их... оплели невидимой нитью и дёрнули, вытащив душу. – Она посмотрела на Арину. – Не многие сверхъестественные существа так умеют...

Арина понимала без продолжения.

Ледяная тревога сковала рёбра.

– Ты думаешь, это...

– Я думаю, что кто-то очень сильный и очень старый играет в старую игру, – мрачно закончила бабушка. – Игру Дзёрогумо. Только наша мифическая прародительница, если верить легендам, заманивала мужчин. Этот охотится на женщин.

Арина взглянула на фотографии.

С одной из них смотрела молодая девушка с веснушками и пустыми глазницами. Похожа на Лену.

Призрак водопада из детской сказки вдруг обрёл плоть.

Здесь, в этом городе.

Его тень накрывала тех, кого Арина считала своей личной, человеческой территорией. Кого обязана была защищать.

Её бунт, поиски другой судьбы вдруг показались наивной детской забавой перед лицом этой древней, безжалостной охоты.

Сердце забилось быстрее. Означало ли все это, что им

предстояло столкнуться с тем, кто, возможно, был тем самым первопредком, с которого началась их кровавая родословная? Или с тем, кто пародировал его, уродливо копировал, творя новую, жуткую легенду в каменных джунглях?

– Самый тревожный нюанс, – бабушка провела длинным, иссохшим пальцем по одной из фотографий, указывая на шею женщины. Почти незаметный, бледный, словно отпечаток от тончайшей верёвки, опоясывал кожу. – Нити. Но не физические. Энергетические. Кто-то окутал их ауру паутиной и... сорвал, как спелый плод.

Арина сглотнула.

В памяти всплыл не миф, а сегодняшняя ночь.

Демон Одержимости, которого она уничтожила. В последний миг, перед тем как рассыпаться в прах, не выл от боли, а прошипел что-то на незнакомом, вероятно, давно забытом языке. Сквозь угасающее сознание твари промелькнул чужой, ледяной и древний образ: не паучиха, а нечто большее, тёмное и многоглазое, плетущее сети не в углах комнат, а в самых тёмных закоулках человеческих душ.

Арина считала это и забыла, не придав значения. Мало ли – какие предсмертные галлюцинации бывают у демонов.

– Бабушка, – тихо начала Арина. – А Дзёрогумо... могла бы охотиться на себе подобных? На женщин?

Виктория Петровна замерла. Её взгляд, всегда такой уверенный, на мгновение дрогнул, в нём мелькнула тень чего-то старого и очень тревожного.

– В легендах нет. Но наш род... наша ветвь отделилась от того первородного духа давно. Мы стали орудием, сосредоточились на жестоких мужчинах. Кто знает, какие ещё детища породила та первая Паучиха у своего водопада? Может, это её забытая сестра. Или... тень. Отражение, которое решило, что самая сладкая добыча – не грубая мужская сила, а тонкая, сложная женская душа.

Дверь в гостиную скрипнула. В проёме стояла Алёна, держа в руках пластиковый пакет с какой-то тёмной тканью внутри.

– Нашла кое-что на последнем месте, – голос был ровным, но Арина уловила в нём напряжение. – Возле тела этой... Ольги Мельник. В кустах.

Вытряхнула содержимое пакета на стол, рядом с фотографиями. Смятый, дорогой шёлковый платок. На нём, словно вытканый самой природой, застыл крошечный, идеально сохранившийся кусочек... паутины. Не обычной. Она переливалась в свете лампы неестественным, перламутрово-серебристым светом, словно была сплетена из застывшего лунного сияния.

Арина невольно потянулась к нему, но бабушка резко схватила её за запястье.

– Не трогай!

Наклонилась, взглядываясь в находку, и её лицо побелело.

– Это не просто паутина. Это... сигнатура. След. Как визитная карточка. Тот, кто это оставил... не скрывается. Бро-

сает вызов.

Арина смотрела на сияющую паутинку, и ее вторая ипостась, ставшая родной тенью, Арахна, зашевелилась внутри с непривычным чувством – не охотничьим азартом, а холодным, животным страхом, смешанным с яростью.

Этот охотник не просто убивал. Он издевался. Показывал, что его искусство, его паутина – совершеннее и опаснее их.

Телефон девушки тихо завибрировал в кармане. Одно сообщение от Лены:

«Рин, ты где? У меня крыша едет от этих картин. Забей, прошу, отвлеки! Надо срочно тебе показать новый эскиз, жуть как хорош!».

Арина обратила внимание, что сообщение пришло с геометкой. Мастерская. Которая находилась в том самом районе, где нашли первую из жертв.

Ледяная игла опасения и предчувствия пронзила Арину насквозь. Лучшая подруга, яркая, живая, с её красками и язвительными шутками... была идеальной добычей для того, кто по теории ее бабули ценил «тонкие, сложные души».

Нужно было стать тенью. Не только охотником, но и защитником. Сплести свою собственную паутину – паутину охраны – вокруг тех, кого любила. Даже если это означало снова погрузиться в ту самую тьму, от которой так отчаянно пыталась сбежать к Руслану и его Петровичу.

Водопад из старой легенды оказался ближе, чем она думала. Его воды уже текли по улицам города, и новый лесо-

руб, очарованный обещанием неземной красоты, уже бросал свой топор в чёрную воду.

И Арина боялась, что на этот раз некому будет его вернуть.

Девушка подняла глаза на бабушку.

– Кажется, я знаю, с чего начать.

Глава 3. Карта своих улиц и хроники крыш

Ночь была ей и домом, и кожей. Арина шла по знакомым с детства улицам, ведущим к мастерской Лены, но видела их теперь другими глазами. Глазами охотника. Им открывалась карта, на которую не нанесены названия, только узлы боли и перекрёстки тишины.

Вот подворотня, где три года назад пьяный водитель сбил подростка – до сих пор пахнет неотомщённой тоской. А вот двор-колодец, где старушка каждый вечер выставляет миску для бездомных котов – здесь воздух чуть теплее, в нём плавают золотистые искорки простой, не требующей ничего взамен доброты.

Девушка шла, прижимая к груди руку, где под повязкой пульсировала рана. Боль была теперь её спутницей, метрономом, отбивающим ритм этой бесконечной ночной вахты. Думала о своём городе. Безымянном для мира, но для неё – Городе-Отце, Городе-Ловушке, Городе-Крови.

Какая ирония. Арина криво усмехнулась своим мыслям. По сути, город был единственным постоянным мужчиной в её жизни.

В её семье царил матриархат, выкованный из необходимости.

Мужчины в их роду были мимолётными теньями. Приходили, привлечённые странной, отстранённой красотой паучих, и уходили – или их выдавливали, если они мешали «работе».

Алёна никогда не говорила об её отце. Виктория Петровна вроде бы упоминала двух мужей: одного – «он умер», второго – «он ушёл». Может, их было больше, Арина не пыталась считать. В её голосе не было ни тоски, ни злобы. Констатация факта, как о смене времён года.

Мужчины были функцией. Переносчиками семени. Не более. Любовь, привязанность, семья в обычном понимании – всё это считалось слабостью, балластом, способным утянуть на дно.

Арина выросла с этим знанием. Смотрела на одноклассниц, влюблявшихся, страдавших, строивших планы, и чувствовала себя инопланетянкой. Первое и единственное «свидание» в шестнадцать закончилось тем, что парень попытался её поцеловать, а она инстинктивно отшатнулась, почувствовав не возбуждение, а угрозу. Не его, нет. Угрозу со стороны той части себя, что дремала внутри, готовая вцепиться в горло любой незнакомой близости.

И её внешность была частью этой ловушки, частью легенды о Дзёрогумо.

Девушка никогда не считала себя роковой красавицей, чьим самолюбованием во всех ракурсах могут наслаждаться пользователи соцсетей. Её красота была иной – тихой,

неброской, созданной для того, чтобы не запоминаться и в то же время притягивать взгляд. Длинные, прямые волосы цвета воронова крыла, которые она чаще всего собирала в небрежный хвост, который падал тяжёлой, прохладной волной на спину. Лицо с тонкими, словно нарисованными тушью чертами: высокие скулы, прямой нос, чуть более широкий для этой хрупкости рот.

Но главное – глаза. Большие, миндалевидные, цвета тёмного янтаря, в которых при определённом свете мерцали зелёные искорки. В них всегда читалась какая-то отстранённость, будто она смотрела не на человека, а сквозь него, на что-то более важное и далёкое.

«Глаза старой души», – как однажды сказала Лена.

Арина знала правду. Это были глаза хищницы, научившейся прятать свой взгляд.

Тело было гибким и сильным, без единого лишнего грамма – как бегуна, пловца, охотника. Не было создано для соблазна. Оно было создано для действия. Для тихого шага по крыше, для мгновенного броска, для смертельной хватки.

И сейчас это тело, одетое в тёмные, не шуршащие при ходьбе джинсы, чёрную водолазку и поношенную кожаную куртку, сливалось с ночью. Тень среди теней двигалась по маршруту, который знала лучше, чем линии на собственной ладони.

Обошла мастерскую Лены три раза, накладывая круги, как паук, проверяющий целостность своей сети.

Ничего.

Ни следов сияющей паутины, ни липкого чувства чужого присутствия. Только знакомая, чуть сумасшедшая энергия творчества, что витала вокруг этого места даже ночью.

Усталость накатывала тяжёлой волной. Прислонилась к холодной кирпичной стене соседнего дома, закрыла глаза. И позволила себе на минуту быть просто девушкой.

Девушкой, которая устала.

Которая боится не только за подругу, но и за себя. Хочет не охотиться, а спать. Чтобы кто-то сильный взял на себя этот груз. Которая, чёрт возьми, хочет снова оказаться в той тёплой и странной квартире, где пахнет книгами и покоем, и услышать спокойный голос, говорящий о балансе экосистемы.

Арина открыла глаза. Ночь не изменилась. Боль в руке не утихла. Охота продолжалась.

Она была дочерью своего рода. И пока в городе был хоть один монстр, жаждущий сломать тонкие, сложные души, у неё не могло быть ни покоя, ни дома. Только долг. И хрупкая, едва зародившаяся надежда, что, может быть, когда-нибудь всё будет иначе.

...

Расследование продвигалось со скоростью растущей паутины – медленно, но неумолимо. Каждая ночь превращалась для Арины в изнурительный марафон. После основной «работы» – будь то демон или очередной тиран, попавший в

список её рода, – начиналась вторая, не менее важная часть – патрулирование.

Девушка металась по крышам города, как тень, паучий облик Арахны сливался с очертаниями вентиляционных труб и спутниковых тарелок. Восемь глаз, залитых ночным зрением, выискивали малейший след той самой, сияющей паутины, что оставил загадочный убийца. А её человеческое, внутреннее, постоянно с тревогой оглядывалось в сторону мастерской Лены.

На одной из крыш, в самом разгаре поисков, её подстерегла нелепость.

Только что закончилась «чистка» – мелкий демон алчности, устроивший гнездо в брокерской конторе. Не смертоносный, но прилипчивый. Мог довести свою жертву до безумия.

Бой был коротким, но грязным.

Арина, ещё не до конца переключившись с боевого режима, решила провести быстрый осмотр соседних крыш. Перепрыгнула узкий проулок, мохнатое тело на мгновение зашло луну, и она не слишком грациозно приземлилась на покатую поверхность старого доходного дома. Всё-таки, лучше бы ей досталась форма какого-нибудь более прыгучего паука.

И тут её планы рухнули вместе с прогнившей кровлей.

С громким треском и облаком вековой пыли она провалилась в дыру, застряв между балками. Восемь лап беспо-

мощно забились в воздухе, цепляясь за скользкую черепицу. Господи, девушке подумалось, что она сейчас была как чудищный унитазный ёршик, торчащий из крыши.

«Идеально, – яростно подумала Арина, пытаясь выдержать себя. – Просто великолепно. Герой этого города».

Внезапно из открытого окна мансарды донёлся удивлённый, сонный голос:

– Вась, ты чё, опять на балконе куришь? Слышь, у нас на крыше что-то большое и волосатое завелось. Может, тот бомж-альпинист, что антенны ворует? Помнишь. Я тебе рассказывала.

Арина замерла, вжавшись в тень. Мысль о том, что её, Чёрную Вдову, наследницу Дзёрогумо, приняли за вора-верхолаза, была одновременно унижительной и до смешного спасительной.

– Да брось, Мань, – пробурчал второй, хриплый голос. – Тебе опять мерещится. Крыша протекает, вот и скрипит. У тебя тоже, кстати, протекает, правду наш участковый говорит. Спи давай.

Но Маня оказалась женщиной с исследовательским складом ума. В окне блеснул свет телефонного фонарика. Жёлтый луч заскользил по крыше, приближаясь к месту катастрофы.

Паника, острая и абсолютно не героическая, впилась в Арину когтями. Она не могла позволить себя увидеть. Собрав все силы, с отчаянным рывком выдернула брюшко из

плена досок. Это сопровождалось звуком, похожим на тот, с каким вылетает пробка из бутылки. Огромная пробка из гигантской бутылки. То есть, довольно громко.

Последнее, что девушка услышала, прежде чем пуститься наутёк, был оглушённый возглас:

– Мать честная! Вась, там оно прыгнуло! И вон какое пятно масляное оставило!

Вернувшись домой, и с трудом приняв человеческий облик, Арина чувствовала себя полной дурой. Величие Дзэрогумо и бабушкины пафосные речи... Арина сконфуженно фыркнула. А если бы выбраться самостоятельно не получилось?..

Щёки жёг стыд и желание провалиться сквозь землю.

Она зашла на кухню попить воды и застала там бабушку, которая чистила террариум Елены Степановны.

– Что с тобой? – без предисловий спросила Виктория Петровна, бросив на внучку пронзительный взгляд. – От тебя пахнет паникой и... гипсокартоном.

Арина, не выдержав, сторяча выложила историю своего позора. Закончив, ждала суровой отповеди за непрофессионализм.

Но бабушка, к её удивлению, усмехнулась. Сухо, по-старушечьи.

– Ничего. Жива – и хорошо. Мой первый муж, кстати, тоже на крыше застрял, когда от меня убежал. Только он не провалился, а по водосточной трубе скользнул и помчался пря-

миком в отделение милиции. Ничего лучше не придумал! Посмешил их там, решили, что у него «белка». – Она бросила в террариум сверчка. – Напомнило мне один анекдот. Идёт паук по лесу, видит – другой паук на дереве сидит, сети плетёт. Первый его и спрашивает: «Слушай, вы одни с женой живете, повезло. А где тёща твоя ночует?». Второй паук ему: «А ты по паутине иди, самая крепкая к ней и приведёт».

Арина фыркнула, не желая сдаваться.

– Ужасный анекдот.

Её всегда веселило и одновременно смущало, что у их семьи будто бы был свой отдельный мир, включающий и собственный фольклор тоже. Анекдот про тёщу-паучиху, надо же!

– Зато жизненный, – невозмутимо парировала бабушка. – Крепкие связи всегда к чему-то ведут. Часто – к неприятностям. Но от них никуда не денешься.

И тут её лицо снова стало серьёзным.

– Кстати, о связях. Наш «художник» оставил ещё одну ниточку. На теле второй жертвы нашли не паутинку, а вот это.

Протянула Арине маленький прозрачный пакетик. В нём лежал засушенный, иссиня-чёрный цветок с острыми лепестками, отдалённо похожий на паука.

– Паучник, или клеома. В языке цветов означает «побег» или «избавление от пут». Ирония? Или какая-то страшная подсказка?

Арина взяла пакетик. Цветок был красивым и жутким.

Снова возвращал её к мифу о Дзёрогумо, соблазняющей путников неестественной красотой, за которой скрывалась смерть.

– Может, он считает, что не убивает их, а... освобождает?

– тихо предположила она.

Это была извращённая логика монстров разных сортов. Спрашиваешь их – зачем? Ответ – это освобождение.

От чего? От жизни? Тьфу, блин.

– Возможно, – бабушка кивнула. – И это делает его ещё опаснее. Тот, кто считает себя освободителем, не видит себя монстром. Убедить его в обратном почти невозможно.

...

Утро начинается не с кофе.

Арина выползла из комнаты с одним открытым глазом, ведомая божественным ароматом. На кухне стояла Алёна и с убийственным спокойствием разливала по трём кружкам свежезаваренный кофе. Рядом на столе лежал её «рабочий планёр» – ежедневник, где рядом с пунктами «купить молоко» и «забрать платье из химчистки» стояли другие: «проверить слухи о подозрительной активности в районе старого завода» и «допрос духа-свидетеля (прихватить соль и железную клетку)».

– Мам, ты мне тот файл с энергетическими отпечатками сбросила? – спросила Арина, тычась носом в тёплую кружку.

– Сбросила. Тебе – только одна кружка! Оставь бабушке. Она сегодня с ночного дежурства.

«Ночное дежурство» – означало патрулирование города и сбор слухов от городской нечисти. Виктория Петровна возвращалась обычно под утро, иногда ещё более седая от инея или городской пыли, и приносила с собой свежие сплетни от домовых, кикимор и прочих информаторов, безобидной нечисти.

Дверь скрипнула, и на кухню влетела бабушка. Бодрая, с горящими глазами, в идеально сшитом тёмно-синем платье, подчёркивающим её высокую, статную фигуру, которой могла бы позавидовать любая пятидесятилетняя женщина, не говоря уже о её ровесницах.

Арина посмеивалась про себя над тем, что каноничный образ бабушки, из книг, сказок, да и просто из наблюдений за обитательницами городских лавок, совсем не накладывался на Викторию Петровну. Возможно, поэтому большая часть её подруг жили за границей, такие же продвинутые и ухоженные возрастные женщины, с которыми она, в редкие моменты покоя в их городе, могла часами трепаться по видеосвязи, закрывшись в своей комнате.

У Виктории Петровны были острые скулы, густые седые волосы, уложенные в строгую, но элегантную причёску. И пронзительные серые глаза цвета грозового неба. Она пахла дорогими духами с нотками пачули и чем-то холодным. Арина в детстве воображала, что это волшебная астральная пыль.

– Так, молчать всем! – скомандовала она, скидывая паль-

то из тонкой шерсти на спинку стула. – Собирала сливки. Нам нужны информаторы для нашего большого расследования. Пришлось спускаться в тот подвал, который в доме по Моховой... отловила нам кое-кого.

– Бабуль, это неразумная нечисть? – поинтересовалась Арина, глядя на маленькую шебаршащуюся авоську в руках бабушки. – Если да, сама за ним убирать будешь, и лоток купи! Предыдущий пришлось выбросить, потому что ядовитая моча анчутки разъела в нём дыру!

– Арина! Я собираюсь завтракать! – укоризненно застонала мама.

– Информатор же, чем слушаешь! – фыркнула Виктория Петровна и выпустила на пол мелкого, тщедушного демонёнка-шишигу, который тут же нырнул под диван. – Пусть отдохнёт, потом допросим.

– Ну да, ну да, они все разумные – только пока это выгодно, – буркнула девушка.

Бабуля закатила глаза.

– Алёна, кофе есть? И кстати, Совет опять интересовался нашими передвижениями. Прислали вежливый запрос через Акакия.

Арина насторожилась.

Совет Старейшин.

Теневое правительство городской магии, заседавшее в подвалах старого ЗАГСа. Сборище долгоживущих магов, большинство из которых были мужчинами, ревниво охра-

навязшими своё влияние. Они регистрировали всех сверхъестественных обитателей города, от домовых до речных духов, навязывали правила, собирали «налоги» энергией.

К Роду Паутины у них было особое, напряжённое отношение. Паучихи были слишком сильны, слишком независимы и слишком... женственны в своей смертоносности, чтобы вписаться в их патриархальную иерархию. Их не приручишь, не поставишь на счётчик.

Поэтому Совет пристально следил. Каждая охота, каждый энергетический всплеск фиксировались.

Виктория Петровна, как глава рода, вынуждена была вести с ними сложную дипломатическую игру, отчитываться за «санкционированные чистки» и постоянно доказывать, что они – не угроза системе, а её часть.

Алёна, наливая кофе, скривила губы. Её внешность была воплощением стиля и силы. Под шёлковым домашним халатом угадывалась подтянутая фигура регулярной посетительницы фитнес-клуба. Каштановые волосы идеально уложены в низкий пучок, маникюр – безупречен. Даже в быту мама выглядела так, будто только что сошла со страниц журнала о деловой одежде. Охотничий гардероб, хранившийся в специальном шкафу, состоял не из мешковатых балахонов, а из стильной тактической одежды нейтральных оттенков, сшитой на заказ из специальных, прочных и бесшумных тканей. «Функциональность не исключает эстетики», – любила повторять Алёна.

– Чего им на этот раз? – спросила Алёна, передавая кружку.

– Вежливо интересуются, не связана ли череда странных смертей женщин с нашей деятельностью, – бабушка прихлебнула кофе. – Намёк «прозрачный». Мол, если это мы вышли за рамки «санкционированных жертв», будут проблемы. Я, естественно, ответила, что мы сами ведём расследование и будем признательны за любую информацию от их агентов.

– Лицемеры, – пробурчала Арина. – Сидят в своей конторе, бумажки перекладывают, а когда реальная угроза появляется...

– Тише, – строго сказала Виктория Петровна. – Стены имеют уши, а диван – тем более. – Она кивнула в сторону шишиги. – Мы играем по их правилам, потому что альтернатива – открытая война. А нам она не нужна. У нас и так дел хватает.

Бабушка тяжело вздохнула.

Их квартира, занимающая весь верхний этаж старого сталинского дома, действительно была просторной. Высокие потолки, паркет, лепнина.

У каждой из женщин была своя территория.

У Виктории Петровны – кабинет, заваленный книгами и артефактами, с огромным дубовым столом. У Алёны – спальня, совмещённая с тренировочной комнатой, где стояло зеркало во всю стену и несколько снарядов для отработки

ударов. У Арины – её личное пространство, где учебники по биохимии соседствовали с коллекцией засушенных насекомых и постером с анатомией паука.

Большой и старый террариум, стоявший в гостиной на резной тумбе, принадлежал Елене Степановне. И это не просто домашняя любимица. Их прабабушка, Елена. Состарившаяся, уставшая от превращений и человеческих драм, она добровольно предпочла остаться в облике тарантула, сохранив при этом полный разум и память. Это позволяло ей экономить силы и наблюдать за миром с философским и восьмиглазым спокойствием. Иногда, в особенно важные моменты, она подавала знаки – постукивала лапкой по стеклу или медленно поворачивалась в сторону говорящего. Она была живой историей рода, его тихим, мохнатым стражем.

– Кстати, – бабушка посмотрела на террариум. – Лена Степанна сегодня утром обратила внимание на этот цветок. Долго смотрела. Кажется, он ей что-то напомнил. Надо будет вечером попробовать пообщаться.

Арина кивнула, глядя на прабабушку.

Сила, спокойная и древняя, была её последним прибежищем. В этом доме, полном сильных, красивых, смертельно опасных женщин, где даже пауки были частью семьи, а за окном подстерегали и монстры, и бюрократы от магии, она чувствовала себя одновременно защищённой и пойманной в паутину, сплетённую задолго до её рождения. Всё, чего она хотела сейчас, – это найти того, кто портит их город, и сде-

лать это быстро, пока Совет не решил, что удобнее обвинить во всём «неконтролируемых паучих».

Глава 4. Нить сомнения и запах книг

Шишига оказался не самым ценным свидетелем. Вытащенный из-под дивана и посаженный на кухонный стол, он только хныкал и жаловался на сквозняки, сырость и то, что «большие дяди» (под которыми он, видимо, подразумевал Совет) заставляют его доносить на соседей.

Про сияющую паутину ничего не знал, но с готовностью подтвердил, что в последние недели в энергетике города появилась «холодная, липкая струна», от которой «даже слизь в углах замерзает».

Не слишком полезно, но хоть что-то.

Виктория Петровна, разочарованно фыркнув, отпустила его, предварительно пригрозив рассказать его «жене», соседской кикиморе, о его тайных запасах заплесневелого хлеба в вентиляции. Шишига, испугавшись скандала, исчез с жалобным писком.

– Нужен кто-то с более широким кругозором, – заключила бабушка, глядя в окно, где с серого неба падал мокрый, бесформенный снег. Ранняя зима в городе всегда была унылой и грязной. – Пойдём к Маришке. Цыгане видят то, что скрыто от глаз. Да и с Советом у них свои счёты... Может, что-то расскажут.

Визит к цыганке был делом небыстрым.

Старая Маришка жила на самой окраине, в посёлке частных домов, который город уже почти поглотил.

Арина ехала в машине рядом с молчаливой Алёной и смотрела на промозглые пейзажи. Учёба маячила на горизонте неприятным обязательством. Завтра – важная пара по биохимии. А она уже провалила один зачёт...

И где-то там, среди серых корпусов университета, был он. Руслан.

Мысль о встрече вызывала странную смесь тревоги и предвкушения.

...

Маришка встретила их на пороге своего старого, но ухоженного и богато украшенного лепниной, дома. Её лицо, испещрённое морщинами, как старая карта, было непроницаемым.

Женщина молча впустила их внутрь. В доме пахло травами, воском и тёплым хлебом.

Сразу без предисловий уточнила, зачем пожаловали.

Выслушав краткий пересказ, долго молчала, перебирая карты – обычные, потрёпанные игральные.

– Цветок... освобождение, – наконец, проскрипела она. – Но какое освобождение, когда душа вырвана с корнем? Не освобождение. Консервация. Кто-то собирает души, девочки. Запасает впрок. Как варенье на зиму. Зима будет долгой и голодной для того, кто это делает. – Она бросила на Арину

тяжёлый взгляд. – А тебе, младшая паучиха, совет: не рвни нити, которые плетёт не твоя рука. Иногда они держат что-то тяжёлое. Обрушится – придавит.

Предсказание было туманным и зловещим.

Виктория Петровна удалилась с Маришкой на кухню, где они минут десять ещё о чём-то шептались. Арина, скучая, путалась взглядом в вензелях на обоях. А Алена что-то быстро печатала в телефоне, не оставляя работу ни на минуту.

...

На обратном пути в машине царило гнетущее молчание. Угроза обретала форму, но оставалась неуловимой.

Учёба стала для Арины странным убежищем.

Среди запаха книжной пыли в университетской библиотеке и лекционного зала, не было ни демонов, ни Совета, ни ожидания новой жертвы.

Здесь был только сложный, непонятный мир химических формул и... Руслан.

Они встретились в библиотеке снова.

На этот раз – без скандала. Арина, отчаянно пытаясь нагнать упущенное, корпела над учебником, чувствуя, как буквы расплываются перед глазами от усталости. Тень упала на страницу. Она подняла голову.

– Как дела? – спросил Руслан.

Он стоял, держа под мышкой стопку книг и смотрел с той же тихой изучающей заинтересованностью. На нём была тёмно-бордовая толстовка, и от него пахло не парфюмом, а чем-

то чистым и простым – мылом, бумагой, зимним воздухом.

– Не очень, – честно ответила она, откидываясь на спинку стула. – Спится плохо. Город шумит.

Он сел напротив, не спрашивая разрешения, как будто это было само собой разумеющимся.

– Слышал, у тебя проблемы с циклом Кребса. Могу объяснить, если хочешь. У меня неплохо получается переводить с научного на человеческий.

И он начал объяснять, не дожидаясь её ответа.

Медленно, методично, рисуя на чистом листе схемы, которые из хаотичного набора терминов превращались в логичную, почти красивую систему.

Его голос был спокойным, уверенным. Парень не смотрел на неё как на девушку, которую нужно впечатлить. Смотрел, как на союзника по несчастью, заблудившегося в дебрях биохимии. Им всем эти блуждания были знакомы.

Арина слушала и напряжение постепенно покидало плечи.

Здесь, в этом углу библиотеки, под его тихий голос, она чувствовала себя в безопасности. По-настоящему.

– Спасибо, – сказала девушка, когда он закончил. – Ты... очень терпеливый преподаватель.

– Мне нравится, когда всё на своих местах, – улыбнулся, и в уголках его глаз появились лучики. – Хаос – это признак болезни. В природе, в системе, в голове.

Они разговорились. Оказалось, что Руслан не только эн-

томолог-любитель и знаток городского фольклора, но и увлекался историей архитектуры. Он мог часами рассказывать о том, почему в их районе дома строили именно так, а не иначе, какие легенды связаны с тем или иным зданием. Видел город, знал его, чувствовал его пульс – пусть и с рациональной, человеческой точки зрения.

– А ты? – спросил вдруг. – Ты, кажется, его чувствуешь по-другому. Город.

Арина замерла. Это был опасный вопрос.

– Я... просто здесь выросла, – осторожно сказала девушка.

– Нет, – он покачал головой, взгляд стал пристальным, но не осуждающим. – Это что-то другое. Ты как будто слушаешь его дыхание. В тот день, в библиотеке, когда Гордеев орал... ты не злилась. Не только злилась, в смысле... Ты была... насторожена. Как зверь, который улавливает запах пожара за много километров.

Она не знала, что ответить. Правду сказать нельзя. Солгать – не хотелось.

Знаешь, я принадлежу к проклятому роду. И могу превращаться в гигантского паука. Хочешь, покажу? Даже погладить по спинке разрешу...

Девушка мотнула головой, прогоняя видение.... Почти осязаемая картинка. Её губы движутся, произнося это. Даже в голове звучало нелепо.

Арина промолчала, опустив глаза на испещрённый фор-

мулами листок.

– Ладно, – тихо сказал Руслан, не настаивая. – У каждого свои способы слушать мир. Главное – слышать.

Они вышли из библиотеки вместе, когда уже смеркалось. Мокрый снег превратился в колючую крупу. Арина ёжилась от холода в своей лёгкой куртке.

– Ну... Тогда пока? – полувопросительно произнесла она.

Он живёт в противоположной стороне.

– Я провожу, – просто сказал Руслан. – Темно уже. И ты не выспалась, с концентрацией будет плохо, можешь машину не заметить, например, – пояснил он в ответ на вопросительный взгляд.

Шли молча, но это молчание было комфортным. Парень не пытался заполнять его пустой болтовнёй. Просто был рядом. И в этот момент, под снегопадом, Арина с удивлением поняла, что ей с ним не страшно.

Не страшно, что он что-то заметит, заподозрит.

Было скорее... любопытно. Как ему удалось так быстро пробить брешь в её безупречной обороне?

У её подъезда он остановился.

– Заходи на чай, когда захочешь, – сказал он. – Петрович, кажется, тебя запомнил.

Девушка улыбнулась.

– Скажи ему, что я ещё в гости зайду. С ответным визитом.

Руслан серьёзно кивнул, словно действительно собирался

передать её слова пауку, и, повернувшись, растворился в вечерней мгле.

Арина стояла ещё минуту, глядя ему вслед, чувствуя, как по спине разливается странное, тёплое чувство, никак не связанное с холодом ночи.

Нечто вроде... признания. Того, что в её мире, где всё было либо долгом, либо угрозой, появилось... третье. Что-то своё.

И ей отчаянно захотелось это нечто не потерять.

Глава 5. Клеймо на льду

Тёплое чувство от встречи с Русланом продержалось недолго, словно последний луч солнца перед закатом.

Мысли возвращались к текущим проблемам.

Арина вспомнила, как бабушка вернулась с кухни Маришки молчаливее обычного, а в её глазах стояло не привычное решительное спокойствие, а холодная, зрелая тревога.

– Маришка нашептала, – коротко бросила она, снимая пальто, когда они вернулись домой. – Что в Совете не всё чисто. Некоторые старейшины слишком уж заинтересовались «феноменом вытягивания душ». Не как проблемой, которую нужно решить. А как... ресурсом.

Арина похолодела.

– То есть, они знают, кто это, и покрывают?

– Или сами участвуют, – мрачно добавила Алёна. – Совет – не монолит. Там свои группировки, свои игры. Наш род для них – дикие, непредсказуемые хищницы. Если какая-то фракция решила обзавестись новым оружием... мы можем быть не целью, а конкурентами. Которых нужно убрать с доски.

Виктория Петровна кивнула.

– Нужно больше информации. И действовать осторожнее. Патрулирование продолжается. Это же наша святая обязанность. И будьте внимательнее в районе охоты. Афишировать

наше расследование не стоит. Отныне мы работаем в двойной тени: от демонов и от тех, кто потенциально хочет вставить нам палки в колеса.

Это означало бесконечные ночи в облике Арахны, ледяной ветер на крышах и вечное напряжение.

Но хуже всего было другое. Бабушка смотрела на Арину долгим, изучающим взглядом.

– И, Ариша... чувствую в тебе перемены. Интерес. Речь о мужчине? Ты большая девочка, но будь осторожна. Мужчины – всегда слабое место. Для таких, как мы, особенно. К тому же, люди очень хрупки. Если Совет захочет надавить, они пойдут через него. Если убийца почует твою привязанность... ты понимаешь.

Арина понимала. Слишком хорошо.

Её только что обретенная «ниточка» к миру людей оказалась не спасением, а мишенью. Она кивнула, не в силах вымолвить слово. Горечь подступила к горлу.

...

Учёба на следующий день давалась адски сложно. Она почти не спала, формулы в учебнике плясали перед глазами, а мысли крутились вокруг одной фразы: «Он – слабое место».

Она видела Руслана в аудитории, но уклонилась от встречи взглядом, сделала вид, что увлечена конспектом. Парень, кажется, понял и не стал навязываться.

Его спокойствие, обычно такое умиротворяющее, сейчас раздражало. Как он может быть таким спокойным, когда во-

круг такая тьма? Но в этом и был его дар. Счастливый. В отличие от неё.

Он не чувствовал тени.

Хотя иногда ей казалось, что он понимает и видимый мир и скрытый. В каких-то моментах лучше её самой.

Вечером, когда Арина снова готовилась к выходу, зашивая подкладку куртки, чтобы та не шуршала, в гостиной раздался тихий, но отчётливый стук.

Не в дверь. По стеклу террариума.

Все замерли. Елена Степановна редко проявляла такую активность.

Мохнатая прабабушка медленно поднялась на своих лапах и чётко, как бы дирижируя, постучала одной лапкой три раза по стеклу, указывая в сторону книжного шкафа. Потом развернулась и показала на засушенный цветок в пакетике на столе. Потом снова – на шкаф.

– Она что-то помнит, – прошептала Виктория Петровна. – Про цветок. И про книги.

Женщины подошли к старому дубовому шкафу. Бабушка провела рукой по корешкам, что-то ища. И достала оттуда не книгу, а тонкую папку в кожаном переплёте, затёртую до дыр. На обложке не было надписи, только вытисненный символ – стилизованная паутина с каплей в центре.

– Это дневник моей бабушки, – сказала Виктория Петровна голосом, в котором дрожали знакомые Арине нотки нетерпения, охотничьего азарта. – Прапрабабушки Арины.

Я изучала их, думала, это просто записи о жизни и охоте... но Елена Степановна явно думает иначе.

Она открыла папку.

Внутри, среди пожелтевших страниц, встречались засушенные растения, аккуратно приклеенные к пергаменту, и рядом – записи на странном, витиеватом языке, смеси старославянского и чего-то более древнего. Тайный язык паучих. Если записи попадут в чужие руки, прочитать их будет крайне сложно.

Виктория Петровна вгляделась, её губы шевелились, когда она расшифровывала слова. И вдруг её лицо исказилось.

– «Клеймо на льду», – прочитала она вслух. – «Когда душа уходит, оставляя тело чистым, как зимнее окно, ищи отпечаток на внутренней стороне льда. Там, где тепло встречается с холодом. Там, где последний вздох... замерзает».

Женщины переглянулись.

– Лёд? – тихо спросила Арина. – Но на телах не было инея...

– Не на телах, – перебила Алёна, и в её глазах вспыхнуло понимание. – На энергетике. На ауре. «Внутренняя сторона льда»... Это же метафора! Когда душа вырывается, на её «оболочке», на тонком плане, должен остаться... отпечаток. След того, кто это сделал. Как узор мороза на стекле.

– И, если мы найдём этот «отпечаток» на следующей жертве до того, как он растает... – начала Арина.

– Мы увидим лицо убийцы. Или хотя бы его сущность, –

закончила Виктория Петровна.

Бабушка посмотрела на Елену Степановну. Та неподвижно сидела в террариуме, её восемь глаз, казалось, смотрели прямо в душу каждой из них. Хотя большинство пауков ведь не умеют фокусировать взгляд...

Арина вспомнила забавный случай с любопытной соседкой, которая всегда так активно интересовалась жизнью трёх независимых женщин.

Тётя Люба была убеждена, что баба без мужика существовать не может. И либо у них в квартире притон, либо ещё что. Соседка была ровесницей Виктории Петровны, и её всегда возмущало «слишком свободное», на взгляд её матери, воспитание Елены Степановны.

Кстати, тётя Люба давно не видела прабабку Арины, но при этом и не слышала, чтобы та умерла. Цель – выяснить, куда пропала всегда ироничная и гордая старуха, которая никогда не сидела на лавке, как мать Любаши – стала для неё архиважной.

Арина, которую достали расспросы соседки, как-то ляпнула, что прабабушка укатила с молодым любовником в Европу. Тётя Люба вцепилась в сплетню, как бультерьер, и тут же разнесла по всему дому. Алёна и Виктория Петровна лишь закатывали глаза на осторожное сочувствие соседей. Мол, нашла себе ваша бабулька жиголо.

– Она нашла богатого любовника, он полностью её обеспечивает! Завидуйте молча! – как-то не выдержав, рявкнула

бабушка.

Арина быстро пожалела о своём импульсивном поступке, потому что мать с бабушкой шипели на неё, что им приходится поддерживать её идиотскую легенду.

– А что мне сказать? Прабабулю никто сто лет не видел! Знаешь же наших сплетников, дойдут до участкового, наплетут ему, что мы её убили и прикопали где-нибудь во дворе! – слабо отбивалась Арина.

Елена Степановна упала на спинку и шевелила в воздухе лапками. Видимо, её ситуация страшно веселила.

– Пойду, переверну мать, – скосив глаза на террариум, проворчала Виктория Петровна. – А то она так развеселилась, что не сможет подняться сама.

Арина, пытаясь сосредоточиться на шитье, невольно улыбнулась, вспомнив недавний случай с тётёй Любой. Эта женщина была живым воплощением предрассудков и болезненного любопытства. Мысль о том, что три женщины – бабушка, мать и взрослая внучка – живут без мужчин, не давала ей покоя. То у них «притон», то «секта», то они «ведьмы» – что, впрочем, было ближе всего к истине.

Две недели назад тётя Люба, вооружившись банкой якобы домашних солёных огурцов (которые, как позже выяснилось, были куплены в магазине), совершила стратегическое вторжение. Её цель была ясна – увидеть воочию, куда же делась та самая колкая и элегантная старуха Елена, которую она не видела уже лет пять.

– Виктория Петровна, голубушка, принесла вам гостинец! – заливисто трещала она, просачиваясь в прихожую, как только дверь открылась на щёлочку. – И с внучкой вашей повидаться хотела, да и с Алёной... А где же матушка ваша, Елена Степановна? Здоровье её как? Соскучилась я по её разговорам!

Виктория Петровна, застигнутая врасплох, в халате и с расчёской в руках, попыталась заблокировать проход, но тётя Люба, обладающая талантом проникать в любые щели, уже миновала её и окидывала взглядом гостиную. Маленькие цепкие глаза, как два радара, выискивали признаки присутствия четвертой обитательницы.

И тут её взгляд упал на террариум. На огромного, мохнатого тарантула, который, почуяв чужую, навязчивую энергию, медленно поднялся на своих лапах и развернулся к ней всем своим восьмиглазым «лицом». Казалось, он не просто смотрел, а изучал её с холодным, безразличным интересом хищника.

Тётя Люба замерла. Банка с огурцами дрогнула в её руке.
– Э-это... это что у вас? – прошептала она.

– Питомец, – сухо ответила Виктория Петровна. – Елена Степановна очень его любила. Оставила нам на память о себе.

Но тётя Люба уже не слушала. Она смотрела на паука, а паук смотрел на неё. И в этот миг что-то щёлкнуло в её сознании, уже подготовленном сплетнями о «любовнике в Ев-

ропе» и атмосферой тайны, что витала вокруг этой квартиры. Её воспалённое воображение дорисовало картину.

– Она... она... – женщина отступила на шаг, указывая дрожащим пальцем на Елену Степановну. – Она в него вселилась! Вы её... вы её заколдовали! Превратили в паука! Чтобы полиция не искала!

Алёна, вышедшая из своей комнаты, лишь вздохнула. Арина, наблюдая из-за угла, еле сдерживала смех.

Прабабушка в террариуме, словно понимая честность и абсурдность обвинения, медленно и величаво пошевелила педипальпами, что придало её виду ещё более загадочный и, должно быть, в глазах тёти Любы, зловещий вид.

– Любовь Дмитриевна, вам плохо? – с наигранной заботой спросила Виктория Петровна. – Может, давление? Вы же знаете, у вас с фантазией всегда было... ярко.

Но тётя Люба уже неслась к выходу, бормоча себе под нос: «Всё понятно... всё ясно... колдуньи! Мать в паука превратили... сама видела!».

На следующий день по всему дому поползли новые слухи, но уже совсем иного толка. Теперь тётя Люба рассказывала всем, как «те женщины с верхнего этажа» держат у себя гигантского ядовитого паука, в которого «вселилась душа их умершей матери», и что этот паук «смотрит прямо в душу и читает мысли».

Соседи, давно привыкшие к её эксцентричным выходкам и сплетням, только качали головами.

– У Любы крыша окончательно поехала. Отстала бы от этих странных баб, – говорили они. – Живут себе тихо, паука держат... ну и что? Экзотика. А она уже и одержимость, и колдовство придумала. «Экстрасенсов» пересмотрела, не иначе!

Нелепая история сослужила им хорошую службу.

Легенда укрепилась.

А тётя Люба, осмеянная и не нашедшая поддержки, затаила обиду, но к ним больше не лезла. Она лишь крестилась, встречая кого-то из них в подъезде, и шарахалась в сторону.

Вернувшись к реальности, Арина смотрела на Елену Степановну, которая снова неподвижно замерла в своём террариуме.

Прабабушка дала им ключ. Её молчание и покой не мешали ей помогать семье.

План созрел мгновенно.

Нужно было первыми оказаться на месте следующего преступления.

Не ждать, пока Совет или полиция обнаружат тело. Чуют это. Чуют момент, когда тонкая нить жизни обрывается, и мчатся туда, чтобы успеть зафиксировать «клеймо» до того, как оно испарится.

Это было невероятно рискованно.

Они могли столкнуться с самим убийцей. Их могли засечь агенты Совета. Но другого выхода не было.

– Я пойду, – сказала Арина. Её голос прозвучал твёрже,

чем она ожидала. – У меня... чутьё на смерть острее. Арахна чувствует разрыв.

Алёна хотела возразить, но бабушка остановила её жестом.

– Пусть идёт. Но не одна. Я буду на связи. Подстрахую. Малейшая опасность – и я выдерну тебя оттуда, даже если придётся рвать паутину силой.

Это был приказ.

И благословение.

Арина кивнула, чувствуя, как в груди закипает странная смесь страха и решимости. Теперь у них был шанс. И она была тем, кто должен его реализовать.

Той же ночью, сидя на крыше небоскрёба в самом центре города, Арина закрыла глаза и отпустила своё сознание вниз, в спящий город. Она не искала зло. Она слушала тишину. И ждала того самого, ледяного, беззвучного хруста – звука рвущейся души. Была пауком на краю гигантской паутины, и каждая нить в этой паутине была чьей-то жизнью. И она ждала, когда дрогнет та, что вот-вот порвётся.

А в кармане куртки лежал телефон. И последнее сообщение в нём, ещё не отправленное, было адресовано Руслану.

Всего два слова: «Извини. Занята.»

Она не могла рисковать. Ни им. Ни собой.

Теперь её миры – человеческий и ночной – должны были окончательно разделиться. Хотя бы до конца этой охоты. Решение причиняло боль, сравнимую с укусом демона. Но

это была её боль. Выбор умной молодой женщины и ответственной дочери, надежды рода. И она несла его, как новое, невидимое клеймо на собственной душе.

Глава 6. Первая встреча

Холод был не снаружи – он шёл изнутри. Не физический, а тот, что вымораживает душу, оставляя после себя хрустальную пустоту. Арина замерла на краю крыши заброшенной оранжереи в старом парке. Внизу, среди битого стекла и скелетов мёртвых лиан, лежало тело.

Молодая женщина в светлом пальто, будто случайно прилегла отдохнуть, если бы не абсолютная, неестественная неподвижность и пустота в широко открытых глазах, отражавших лишь серое небо.

«Разрыв» случился десять минут назад.

Арина успела первой.

Спустившись по пожарной лестнице, присела на корточки, не касаясь тела. Закрыла глаза, отключив обычное зрение. У Арахны оно было особое – ближе всего к паукам-охотникам, которые различают цвета, видят мир в объёме и могут фокусироваться на добыче, как миниатюрные прожекторы, чтобы точно рассчитать прыжок. Но поскольку она всё-таки была магическим существом, то к нему добавлялось и другое – то, что видело нити энергий, ауры, следы прикосновений иного мира.

И там, на тончайшей, серебристой оболочке, что ещё не успела испариться с мёртвой плоти, было клеймо.

Оно проступало, как узор инея на стекле: стилизованный

паук, застывший в изящной, почти танцующей позе, окружённый кольцом из ледяных кристаллов. В центре брюшка – три крошечные, жгуче-синие точки, расположенные треугольником.

Арина запоминала каждую линию, впитывая образ в память. Но простого запоминания было мало. Клеймо было слишком сложным, слишком насыщенным чужой магией. Чтобы детально изучить и расшифровать его, нужен был отпечаток. Инстинктивно, почти не задумываясь, она протянула руку. Не к телу, а к воздуху над ним. Из кончиков её пальцев вытянулись тончайшие, невидимые глазу шёлковые нити её собственной сущности. Они коснулись сияющего узора, и клеймо, как запрограммированная голограмма, скопировало само себя на эту энергетическую сеть. Теперь оно горело не на ауре жертвы, а на её собственной паутине, свёрнутой в тугую, холодный комок в глубине сознания. Улика была добыта. И теперь принадлежала ей.

Три точки... Триединство. Третья сила.

Предупреждение бабушки о расколе в роду эхом отозвалось в висках.

– Красиво, не правда ли? – раздался голос сзади.

Арина вздрогнула, резко обернулась.

Из тени колоннады вышли двое. Мужчины в безупречно обычной городской одежде, идеальной, чтоб сливаться с толпой. Но от них веяло таким холодом, что воздух казался гу-

ше.

Агенты Совета.

Смотрели с холодным, безличным интересом, как на лабораторный образец.

– Считайте, что мы пришли за вещдоком, – сказал первый, высокий и сухопарый. Его пальцы уже складывали в воздухе сложный знак – не атакующий, а стягивающий, словно невидимая сеть. – Клеймо необходимо изъять. А с ним – и носителя.

Они ждали. Ждали, пока девушка найдёт и, что вероятнее всего, заберёт клеймо себе. Потому что снять такой сложный энергетический отпечаток с мёртвой ауры – дело минут, а ждать, пока он естественным образом испарится, нельзя. Они рассчитывали, что она станет удобным курьером. Забрать у неё было проще, чем снимать самим.

Мысль пронеслась со скоростью паники: Домой. Нужно передать информацию. Но её связь с бабушкой была блокирована – пространство вокруг сжалось, став звуконепроходимым куполом.

– Передавайте Виктории Петровне, – лениво улыбнулся второй агент, пониже и коренастее. – Совет выражает обеспокоенность несанкционированным изъятием улики.

Паутина. Нужно сплести паутину.

Но пальцы одеревенели от холода, исходящего от них. Агенты сделали шаг вперёд.

И в этот миг снаружи купола раздался оглушительный рёв

мотора.

Яркий свет фар «скорой» ударил в стекла оранжереи, ослепив агентов на долю секунды. Машина с визгом тормозов врезалась в забор, и из неё выскочил Марк.

Он выглядел как ад: куртка фельдшера расстёгнута, в глазах – дикая смесь усталости, адреналина и ярости.

Как он нашёл её? Мысль метнулась в голове Арины.

Потом она вспомнила.

Неделю назад, после той истории с проваленной крышей, Марк, смеясь, вручил ей коробочку.

– На, носи. А то исчезнешь ещё в какой-нибудь канализации, а мне отчёты потом писать.

Внутри был дешёвый, но надёжный GPS-трекер в виде брелока для ключей.

– Для параноиков и девушек, которые любят гулять по крышам, – пояснил он.

Девушка покрутила пальцем у виска, но брелок взяла. Видимо, подсознательно понимала, что ночные вылазки станут слишком опасными. Хотя на самом деле ей не верилось, что друг и вправду будет... присматривать.

И сейчас этот кусок пластика и электроники, мирно лежавший в кармане её куртки, оказался её единственной нитью к спасению.

Марк, видимо, заглянул в приложение – и увидел, что метка застыла в глухом парке рядом с заброшенной оранжереей.

В три часа ночи.

Зная её странности, понял, что дело пахнет жареным, и рванул, хорошо, что не был дежурным.

– Эй, ушлёпки! – заорал он, швыряя в сторону агентов пустой кислородный баллон. – Отстаньте от девчонки!

Это было так нелепо, так по-человечески глупо и отважно, что агенты на миг остолбенели. Их магия была настроена на тонкие энергии, а не на летящий железный цилиндр.

Купол дрогнул.

Арина, используя замешательство, рванулась не в сторону выхода, а вглубь оранжереи – к разбитой стеклянной стене.

Агенты опомнились, бросились за ней. Один из них щёлкнул пальцами, и стебель мёртвой лианы ожил, попытавшись схватить её за ногу.

Марк был уже рядом. Не спрашивал, не раздумывал. Просто врезался в ближайшего агента плечом, как на ринге, сбивая того с ног. Раздался хруст – то ли ветки, то ли ребра.

– Беги! – прохрипел он Арине, отбиваясь от второго, который осыпал его колючими энергетическими шипами.

Арина прыгнула в пролом.

Осколки впились в ладони, но боль была ничто по сравнению с леденящим страхом за Марка. Чёрт, это она тут могущественное древнее существо. А он просто... парень.

Девушка побежала по тёмному парку, на автомате сворачивая в знакомые, узкие проходы между гаражами.

Сзади слышались крики, вспышки энергии. Но погоня, кажется, отставала.

Бежала, не разбирая дороги, пока ноги не подкосились у знакомой двери с граффити-драконом.

Мастерская Лены.

Единственное безопасное место, которое пришло на ум.

Дверь распахнулась почти мгновенно.

Лена стояла на пороге в заляпанном краской халате, с кистью в руке. Увидев Арину – бледную, дрожащую, с окровавленными ладонями и дикими глазами, – не стала спрашивать. Просто затащила внутрь.

Через минуту, отдышавшись у порога, появился и Марк. Он был в ещё худшем состоянии: разбитая губа, под глазом зацвел синяк, а на рукаве куртки зияла странная, будто обугленная дыра.

– Закрой дверь, – хрипло бросил он Лене. – И завари чего покрепче. Если есть.

«Завари» – никогда не означало чай или кофе. У старых друзей был свой особый язык.

Мастерская, обычно наполненная творческим хаосом, на мгновение погрузилась в шоковую тишину. Потом Лена засуетилась, доставая аптечку и бутылку дешёвого виски.

– Что, блин, происходит? – спросила она, наливая три стопки. – Вы подрались с бомжами? Марк, ты на кого в этот раз нарвался?

Марк, шурясь от боли, принялся обрабатывать антисептиком разбитые костяшки.

– Не бомжи. Какие-то... стерильные уроды. Чувствова-

лись, как формалин. Они хотели её забрать. – Он кивнул на Арину. – Спасибо твоему трекеру-брелоку, кстати. А то бы я проездом мимо не оказался.

Лена перевела взгляд на подругу.

Арина молчала, сжимая в руках стопку, но не пила. Смотрела в одну точку, внутри сознания ещё пылало синим огнём то самое клеймо, которое она теперь носила в себе, как занозу. Улика, за которую готовы были убить.

– Арина, – тихо сказала Лена, опускаясь перед ней на колени. – Рин. Ты где? Вернись.

– Они не люди, – наконец выдохнула Арина. Голос звучал глухо, отстранённо. – Или не совсем. Это агенты... одной организации. Они следят за такими, как я.

– За какими «как ты»? – не отступала Лена. – Студентками-биохимиками? Девушками, которые гуляют ночью?

Взгляд Лены был твёрдым.

Она не была дурочкой. Видела странности годами. Просто молчала, ожидая, когда подруга сама заговорит.

Марк отпил виски, поморщился.

– Они использовали какую-то хрень. Как в плохом фэнтези. Щёлкали пальцами, и растения шевелились. Я, может, контуженный, но такого ещё не видел.

Арина закрыла глаза.

Доверие к друзьям боролось с инстинктом защиты, вбитым с детства. Но они уже втянуты. Они рисковали. Марк мог погибнуть.

Чёрт. Всё было плохо. Она не должна была их втягивать. Арина до боли прикусила нижнюю губу.

– Я не могу всё рассказать, – прошептала она. – Это опасно. Для вас.

– Уже опасно, – парировал Марк, указывая на свой синяк. – Так что давай. Хоть что-то. Чтобы мы понимали, с чем имеем дело. Эти... агенты. Они связаны с теми смертями? С женщинами, из которых будто душу высосали?

Арина кивнула, почти неощутимо.

– Да. Они... мы думаем, они не хотят, чтобы убийцу нашли. Возможно, зачем-то прикрывают его. Или используют. А я... я нашла улику. И теперь она у меня. Поэтому они и хотели меня забрать.

Лена медленно выдохнула.

– Значит, правда маньяк. О нём говорят в новостях. И ты... что, расследуешь это? Одна?

– Не одна, – поправила Арина. – С семьёй. Но теперь... теперь и нас, нашу семью, они, наверное, объявят в розыск. Хотя... не понимаю, за что...

Наступило тяжёлое молчание.

Лена встала, подошла к холсту, стоявшему на мольберте. На нём был начат портрет – абстрактный, в тёмных тонах, с красно-синими всполохами.

– Я последние недели не могу писать ничего, кроме этого, – сказала она, не оборачиваясь. – Давит. Как будто что-то висит в воздухе. Что-то холодное и цепкое. И сегодня...

проснулась от того, что мне показалось, будто на лице паутина.

Арина вздрогнула.

– Здесь? В мастерской?

Лена обернулась, в глазах читался неподдельный страх.

– Здесь. И не только. Я проверяла – физической паутины нет. Но ощущение... оно не уходит.

Знак.

Некто уже присматривается к Лене. К её «тонкой, сложной душе».

– Ты не должна оставаться здесь одна, – твёрдо сказала Арина. – Ни сегодня, ни в ближайшие дни.

– А куда мне? – с горькой усмешкой спросила Лена.

Марк хмыкнул.

– Я же снимаю хату пока. Двушка. Диван свободен. Тараканов нет, я слежу за этим. – Он посмотрел на Арину. – И тебе туда же. Пока не прояснится. Эти ублюдки тебя знают. Твоя квартира – первое место, где будут искать.

Это было разумно.

Страшно, но разумно.

Арина кивнула.

– Мне нужно связаться с бабушкой. Предупредить.

Достала телефон, отправила условный сигнал – пустую гифку с пауком в семейный чат. Ответ пришёл почти мгновенно: «?».

Она набрала: «Обнаружила клеймо. Забрала на себя.

Агенты Совета на месте. Была стычка. Марк помог. Я в безопасности, у друзей. Домой не могу. Будьте осторожны. Клеймо: паук, кольцо инея, три точки в треугольнике».

Через минуту пришёл ответ от Виктории Петровны, сухой и чёткий, как приказ:

«Три точки. Раскол. Это Она. Не приближайся. Готовь убежище. Жди инструкций. Уничтожь сим-карту»

Арина вынула карту, сломала её. Мир сузился до этой мастерской, до двух друзей, которые смотрели на неё, ожидая объяснений, которые девушка всё ещё не могла дать полностью. Но уже не могла и отвернуться.

– Спасибо, – тихо сказала она им обоим. – И... простите.

– Позже, – отмахнулся Марк. – Сначала расскажи, что значит «Это Она»? Потому что по твоему виду, Рин, это что-то очень, очень хреновое.

Арина глубоко вздохнула. И начала с самого начала. Не с деталей превращений и охоты, а с легенды. С водопада. С Дзёрогумо. С рода женщин-паучих. И с предположения о представительнице рода, которая ушла в тень, чтобы больше никогда не служить ни людям, ни правилам.

А за окном мастерской, на козырьке, тончайшая, невидимая для обычного глаза нить сияющей паутины мягко колыхалась на ветру.

Война началась. И Арина, сама того не желая, только что втянула в неё своих единственных друзей.

...

В квартире на верхнем этаже царила гробовая тишина. Виктория Петровна стояла у окна, сжимая в руке старую, пожелтевшую фотографию. На ней были три девушки, две – удивительно похожие друг на друга. Та, что справа, вырезана ножницами, от неё остался лишь контур плеча.

– Лилия, – прошептала бабушка. – Сестра. Значит, ты вышла из тени.

Алёна, бледная, сжимала кулаки.

– Что будем делать? Совет уже против нас. А теперь и она...

– Мы сделаем то, что должны, – холодно ответила Виктория Петровна. – Защитим свой род. И город. Даже если ради этого придётся вспомнить, как воевать по-настоящему, – повернулась к террариуму. – Прости, мама. Но твоей дочери пора вернуться в паутину. Навсегда.

Елена Степановна в террариуме медленно, тяжело пошевелилась. Все её восемь глаз были устремлены на дочь. В них читалось не одобрение и не страх. Лишь бесконечная, древняя печаль.

Глава 7. Убежище

Квартира Марка пахла сигаретным дымом, дешёвым кофе и одиночеством мужчины, который проводит больше времени на работе, чем дома. Двушка в панельной девятиэтажке была типичным временным пристанищем: минимальная мебель, голые стены, разве что на кухне – заставленный пустыми банками из-под энергетиков подоконник.

Но для Арины это был запах относительной безопасности.

Лена, нервно кутаясь в свой растянутый свитер, устроилась на диване, вцепившись в подушку. Марк, игнорируя жжение ссадин, которые по-хорошему уже стоило обработать, методично проверял замки на двери и щели в оконных рамах, словно готовил позицию к осаде.

– Тараканов нет, я говорил, – бросил он через плечо. – Но от... других тварей защиты не гарантирую.

Арина молча сидела на краю единственного кресла. Холодное клеймо внутри не утихало. Оно было как заноза в сознании, напоминая о себе ледяными уколами каждый раз, когда она пыталась расслабиться.

Лилия. С силами прародительницы. Сестра бабушки. Что она хочет? Почему именно сейчас вышла из тени?

Арина мысленно прокручивала скупые обрывки семейной легенды, которые всплыли после бабушкиного сообщения.

Лилия – старшая сестра Виктории Петровны. Та самая, чьё имя вырезали из фотографий и вымарали из семейных хроник.

Не просто ушла – отреклась. Отказалась от долга рода, от «санитарной» функции, видя в ней унижительную службу людям. Жаждала настоящей власти, той, что даётся не защитой, а поглощением.

И тут была ключевая деталь, о которой бабушка всегда говорила с особой горечью.

Легенда о водопаде и духе Дзёрогумо была не просто сказкой. Та первая Паучиха, прародительница их рода, не исчезла полностью. Её ослабленная, спящая сущность осталась привязанной к тому месту силы – отголосок сознания, огромная сила без ясной воли.

Голодная сила, жаждущая подпитки.

Когда Лилия, самая одарённая и честолюбивая из сестёр, пришла к водопаду, она не просто заключила «делку». А вошла в резонанс с той древней сущностью. Не победила её, не подчинила – слилась.

Её воля, её жажда вечной молодости и власти стали идеальным сосудом для голодного эха прародительницы.

В каком-то смысле, Лилия стала новой, более совершенной и страшной Дзёрогумо. Не просто получила силу – впитала её суть, древнюю, хищную природу, обогатив своим собственным разумом и амбициями.

Теперь они были одним существом: вечный голод древно-

сти, помноженный на холодный, расчётливый разум современной женщины.

Почему её не остановили?

Арина задала этот вопрос в первую очередь.

– Остановить? Мы пытались. Твоя прабабушка, моя мать... и я, – рассказывала Виктория Петровна. – Пошли за ней. И увидели... то, что происходит, когда древний дух вселяется в готового принять его человека. Она была не просто сильнее. Она была иной. Мы чудом унесли ноги. А потом... потом стало поздно. Сестра ушла в тень, а Совет уже проявлял к ней интерес. Мы поняли, что открытая война убьёт нас всех. И решили... вычеркнуть её. Надеялись, что без поддержки рода она исчезнет. Наивные...

Цена этой «сделки» была ужасна: вечная молодость, питаемая не собственной жизнью, а жизнями других. Она должна была высасывать души, но не демонов из одержимых, а чистую, незамутнённую энергию – предпочтительно из тех, кто сам её излучал: творцов, влюблённых, мечтателей.

За долгие годы женщина отточила это искусство до совершенства. И благодаря этой чужой, украденной жизненной силе, Лилия не старела.

Бабушка Арины была статной, элегантной, но пожилой женщиной. А её сестра, её ровесница, по слухам, сохранила облик юной девушки – вечной, ледяной и ненасытной. Эта мысль вызывала отвращение. Не стареть, питаясь чужими жизнями...

– Значит, у нас тут своя мини-версия «Дня сурка» с элементами боевика, – констатировала Лена, глядя в пустоту.

– Скрываемся от магических ментов, потому что подруга – потомственная паучиха, а настоящий убийца – её пра-пра-что-то там, сошедшая с ума от власти. Я правильно поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.